

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕОГРАФИИ

(обзор монографии Роберта Д. Каплана «Месть географии: что может нам сказать карта о грядущих конфликтах и битве с судьбой»¹⁾)

Введение

Чтобы понять, как будут действовать геополитические акторы, региональные центры силы, порой достаточно посмотреть на карту. Иногда география может рассказать о стратегии и целях того или иного государства, намного больше, чем идеология или внутренняя политика. В последние десятилетия благодаря процессам глобализации было принято считать, что определяющим в судьбах народа и государства является экономика, которая, став глобальной, сумела «отвязаться» от гео-

¹ *Robert D. Kaplan*, *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. New York: Random House, 2012. 432 pp. Книга вызвала широкий резонанс, и знакомство с некоторыми из идей и подходов автора, актуальных для Армении и постсоветского пространства, представляется важным. Некоторые из оценок, возможно, будут нуждаться в корректировке и даже пересмотре, когда появится возможность познакомиться непосредственно с текстом книги. Обзор подготовлен на основе комментариев, рецензий, статей и интервью автора в масс-медиа. В частности: *Merry, Robert W.*, Review. The Revenge of Kaplan's Maps, *The National Interest*, September-October, 2012. November 1, 2012 <http://nationalinterest.org/bookreview/the-revenge-kaplans-maps-7345>; *Hay William Anthony*, "The Map to Power," *The American Conservative*, September 13, 2012. November 1, 2012 <http://www.theamericanconservative.com/articles/the-map-to-power/>; *Kaplan, Robert D.*, "Geography Strikes Back," *Wall Street Journal*, September 7, 2012. November 1, 2012 <http://online.wsj.com/article/SB10000872396390443819404577635332556005436.html>; *Slaughter, Anne-Marie*, "Power Shifts. 'The Revenge of Geography,' by Robert D. Kaplan," *The New-York Times*, October 5, 2012. November 1, 2012 <http://www.nytimes.com/2012/10/07/books/review/the-revenge-of-geography-by-robert-d-kaplan.html>; "Revenge of Geography: What the Map Tells Us," *Publishers Weekly*, 28 May, 2012. November 1, 2012 <http://www.publishersweekly.com/978-1-4000-6983-5>; "The Revenge of Geography, by Robert D. Kaplan," *Stratfor*, 2012. Video: Robert D. Kaplan discusses topics from his new book, November 1, 2012 <https://www.stratfor.com/revenge-geography>; "Charlie Rose – Robert Kaplan on book "The Revenge of Geography," *Charlie Rose*, October 11, 2012; November 1, 2012 <http://www.charlierose.com/view/interview/12596?elq=80dcdefdf61c481f89731a69fc5b364e>.

графии. Однако если вы хотите понять, в чем корни политической нестабильности Китая или, наоборот, устойчивости Ирана на протяжении тысячелетий, вам для начала надо подойти к карте, говорит Роберт Д. Каплан¹ в своей новой книге.

Каплан понимает карту как «пространственное представление разделения человечества» и предполагает, что человечество в основном разделено. Акцент на «разделении» человечества ведет его к реализму во внешней политике, когда геополитическая перспектива выстраивается на уверенности, что человеческая природа остается неизменной, равно как и базис человеческой мотивации, выстроенный на извечной триаде Фукидида: «страх, гордость и выгода». Роберт Каплан снимает большую часть ханжества и лицемерия, присутствующего в общественном и политическом дискурсах касательно глобального развития и добирается до фундаментальной действительности – географии, которая, как это было на протяжении всей истории, остается одной из самых могущественных драйверов мировых процессов. «География, – пишет Каплан, – является фоном самой истории человечества. <...> Положение государства на карте – первое, что определяет его, – даже больше чем правящая философия». Каплан признает, что его акцент на географии может привести к детерминистическому мышлению. Чтобы восстановить опасный крен в сторону географического детерминизма, Каплан для восстановления баланса приводит доводы «в пользу *частичного* детерминизма, в котором все мы нуждаемся» (курсив в оригинале).

¹ Роберт Д. Каплан – интеллектуал, старший сотрудник «Центра новой американской безопасности» (*Center for a New American Security*), объездивший весь мир корреспондент «Атлантик» (*The Atlantic*) – влиятельного американского журнала, основанного в 1857г. и фокусирующегося на «внешней политике и экономике, а также культурных трендах», главный геополитический аналитик Стратфор. Автор четырнадцати книг, которые признаны на Западе важными и определяющими для понимания мира после Холодной войны.

У Каплана нет иллюзий касательно того, какие дискуссии вызовет его реализм. «Карты», пишет он, «упрек (укор) самому понятию равенства и единства человечества, так как они напоминают нам о многообразной окружающей среде, которая делает людей глубоко неравными и разъединенными столь многими способами, приводя к конфликту, в котором почти исключительно и пребывает реализм». Еще перед публикацией книга вызвала сердитый отклик издания «*Publishers Weekly*». Анонимный рецензент назвал книгу Каплана состоящей главным образом из «занимательных, но безответственных отрывков истории, культурных знаний и экономики», «переутомленной (перенапряженной) использованием карт» и «суетой пустых рациональных метафор». «Безжалостный реализм Каплана, – пишет рецензент, – это неубедительное повторение устаревшего мировоззрения».

Каплан опирается на концепцию географической карты XIX столетия, а его акцент на «разделении» ведет к выводу, что человечество в основном разделено, а не связано. Геополитическая перспектива опирается на тезис о неизменности человеческой природы. Такое мнение о человеческой натуре является старомодным (по крайней мере, в эру неврологии и познавательной психологии) и очень мужским, считает Анна-Мари Слотер (*Anne-Marie Slaughter*).

Однако почему географическая карта воспринимается как единственно возможная, спрашивает она. Социальные сети, СМИ и потоки данных большого объема сделали возможной визуализацию человеческих взаимодействий и построение карт социальных связей, эмоций, запросов и проч. Мы наблюдаем становление новой дисциплины – социографии (*sociography*). «Сегодня можно проследить и визуализировать пересечения миллионов маленьких миров: это человеческие галактики, каждый бит которых столь же плотен и сложен, как звезды». Каплан может утверждать, что разноцветные участки суверенной тер-

ритории на двумерной карте затеняют исконный проект природы, но у граждан сегодня есть стимулы скрывать, затемнять линии, проведенные правительствами, демаркационными линиями собственных сообществ, – предполагаемых и реальных.

Каплан спокойно и взвешенно выявляет источник такого отношения к книге. Конец Холодной войны, пишет он, ослепил западных интеллектуалов касательно многим жестких, неприятных реалий мира. «Внезапно мы оказались в мире, в котором демонтаж искусственной границы в Германии привел к предположению, что все человеческие деления и разногласия преодолимы; что демократия завоюет Африку и Ближний Восток так же легко, как этого было в Восточной Европе; что глобализация – которая скоро стала модным словом, которое у всех на слуху, – есть не что иное, как моральное направление истории и системы международной безопасности, а не то, чем она фактически была, – просто экономическая и культурная стадия развития».

Таким образом, для господствующего политического дискурса США сам термин «реализм» стал уничижительным. Американский универсализм охватил даже американские войска как «скрытая рука, которая позволила универсалистским идеям иметь гораздо большее значение, чем ландшафт и исторический опыт людей, живущих на нем». Политика зачастую движется аналогиями и историческими уроками и довольно часто на протяжении последних 70 лет западная политика направлялась императивом «нет еще одному Мюнхену». Зло в мире должно быть пресечено в корне прежде, чем оно поднимется, подобно Гитлеру, чтобы угрожать глобальной стабильности. Внесение категории «зла» во внешнюю политику оправдывало вовлечение США в балканский кризис в 90-ые, а затем вторжение в Ирак и Афганистан. Однако трудности в Ираке и Афганистане, пишет Каплан, породили интеллектуальную противодействующую силу, выраженную в возрож-

дении аналогии «Вьетнама» и идеи, что этническая и религиозная ненависть в мире – нечто большее, чем просто препятствия в миссионерском призвании США, которые могут привести последнюю к проигрышу. Ирак, по Каплану, «подорвал ключевой элемент образа мыслей некоторых и веру в то, что проецирование американской мощи всегда преследует моральный результат».

Таким образом, в США развернулись горячие дебаты между приверженцами «Мюнхена» и «Вьетнама». Каплан рассматривает свою книгу как попытку найти баланс между двумя лагерями. «Вьетнам говорит о пределах; Мюнхен об их преодолении». Каждая из аналогий в отдельности, добавляет он, может быть опасной. «Только когда обе воспринимаются, даются в равной степени, появляется наилучший шанс на правильную политику».

Таким образом, для Каплана география – руководство для понимания водоворота сил, страстей и интересов, которые направляют мировые процессы. Чтобы проверить справедливость такого взгляда, Каплан погружается в предмет исследования, опираясь на понятийный аппарат классической геополитики, описывающий всемирную историю в терминах столкновения между Сушей и Морем. При этом он обращается к работам классиков геополитики прошлого столетия и предупреждает, что «люди, которых я собираюсь представить, должны причинить либеральных гуманистам сильное беспокойство», так как идеи классиков сегодня будут выглядеть политически некорректными и даже расистскими. Ключевой фигурой в дискурсе Каплана является, Хелфорд Макиндер¹. Раскрывая и интерпретируя понятие Хартленда Макиндера в новых условиях, Каплан добавляет еще одно ключевое понятие клас-

¹ Хэлфорд Джон Макиндер (*Halford John Mackinder*) (1861-1947) – выдающийся английский географ и отец современной геополитики. Автор знаменитой статьи 1904 года «Географическая ось истории» (*Geographical pivot of history*), в котором Макиндер вводит понятие Хартленда (*Heartland*) – (срединная или сердцевинная земля). Часто именно публикация этого произведения рассматривается как начало геополитики как науки, хотя сам Макиндер не использовал этот термин.

сической геополитики – идею Римланда Николоса Спайкмена¹, включающей в себя Европу, Ближний Восток, Индию и Китай.

Возможно, лучшим тестом ценности классических текстов является качество собственного геополитического анализа Каплана, выстроенного на их основе. Он применяет свой подход к различным регионам мира, делая ряд предсказаний и прогнозов, которые порой идут вразрез с общепринятой точкой зрения.

США²

Почему США стали сверхдержавой? В Америке популярна идея, что благодаря потенциалу американской нации, однако возможен и другой ответ. США – это последняя богатая природными ресурсами часть умеренного пояса Земли, которую освоили европейцы. США защищены океанами и Арктикой, обладает большим километражом судоходных, внутренних водных путей, чем остальные страны мира вместе взятые. Каплан цитирует Николаса Спайкмена, который как-то заметил, что, начиная со времен Джорджа Вашингтона и до Франклина Рузвельта, многое для Соединенных Штатов изменилось, «но Атлантика продолжает отделять Европу от Соединенных Штатов, и порты реки Святого Лаврентия все еще блокируются зимним льдом». Атлантический и Тихий океаны не только дали Америке роскошь идеализма, добавляет Каплан, но «предоставляли Америке прямой доступ к двум основным артериям политики и торговли в мире: Европе через Атлантику и Восточной Азии через Тихий океан».

¹Николас Джон Спайкмен (*Nicholas John Spykman*) (1893-1943) – американский геополитик голландского происхождения. Объехал весь мир в качестве корреспондента, затем стал профессором Йельского университета, где в 1935г. основал Институт международных исследований. Отец-основатель концепции «сдерживания» и подхода классического реализма в американской теории международных отношений. Основой его теории являлась идея «Римленда» (дуговой земли) как ключевой территории в мировой политике. Автор двух известных работ «Американская стратегия в мировой политике» и «География мира».

²В книге уделяется много внимания Соединенным Штатам и, помимо всего прочего, предлагается новый взгляд на роль США в Западном полушарии в XXI веке, который в данном обзоре не рассматривается.

Россия

Почему президент России стремится создать буферные зоны в Восточной Европе и на Кавказе – так же, как ранее это делал СССР и Российская империя? Владимир Путин стоит перед проблемой уязвимости континентальной державы, которую он возглавляет. Россия представляет собой огромное, континентальное пространство, границы которой не защищены естественными преградами в виде горных цепей или рек. Бесконечные степи, лесные массивы, простирающиеся от Европы до Дальнего Востока, небольшие горные цепи и уязвимые побережья не могут препятствовать вторжению армий или орд. Следствием такой географии стало формирование навязчивой национальной идеи и потребности контролировать большие территории, которые становятся защитой от вторжения. Он цитирует мнение историка Патрика Мача (*Patrick March*), что территориальная уязвимость России породила в этой стране «большую терпимость к тирании». Стремление России к экспансии и созданию буферных государств является следствием ее глубокой географической уязвимости. И Александр I, и Сталин управляли Россией в различные эпохи, но оба разделяли «бесконечную борьбу за доступ к морю». И Путин разделяет эту идею, поскольку должен руководить незащищенной страной.

И в этом нет ничего нового. Такова судьба России начиная с Киевской Руси, когда в середине тринадцатого столетия она была наводнена монгольскими ордами. Затем история повторяется уже в средневековом Московском царстве, когда Россия уступила вторжению шведов, поляков, литовцев и казаков в начале семнадцатого века. Времена трехсотлетнего царствования Романовых отмечены как одним из самых великих территориальных завоеваний во всемирной истории, так и грозным сокращением империи после Первой мировой войны.

При большевиках, самых великих империалистах, мы видим как самый высокий взлет Российской империи, так и распад. Каплан рассматривает «неудавшуюся», хотя будет правильнее сказать незавершенную геополитику, Сталина. Политика «сдерживания» Запада, пишет Каплан, заключалась в защите Римланда, когда Хартланд в лице СССР тестировал его на прочность в Европе, Южной Азии, Ближнем Востоке и Юго-Восточной Азии. «Оборона Западной Европы, Израиля, современных арабских государств, шахского Ирана, а также войны в Афганистане и Вьетнаме – все эти шаги препятствовали расширению коммунистической империи и контролю Хартландом Римланда». Как выразился Генри Киссинджер в 1957г., «ограниченная война представляет собой единственное средство приемлемой стоимости, позволяющее предотвратить заполнение советским блоком периферийных областей Евразии».

Не удивительно, что, например, известный комментатор-ястреб Холодной войны Джозеф Олсоп (*Joseph Alsop*) или консервативный геополитический аналитик Джеймс Бернэм (*James Burnham*) считали, что противоборство в терминах Макиндера ведет к пессимизму касательно судеб Запада. В 1947г. в речи в Гарварде Олсоп оплакивал «болезнь души – потерю уверенности, провал гарантий, убежденности». «Мы в конце концов будем побеждены. <...> Но лучше быть побежденным в тяжелой борьбе, чем просто сдаться и так или иначе умереть». История показала, что его пессимизм был неуместен, хотя понимание уровня накала борьбы соответствовало истине.

Россия в XXI веке. Эпическая победа Запада в Холодной войне привела к распаду империи, когда Россия сжалась до размеров времен правления Екатерины Великой в середине восемнадцатого столетия. Сегодня Хартланд больше не представляет угрозу, так как Россия больше не доминирует над ним в достаточной степени. Однако линии

на карте могут измениться, но контуры нет, и Каплан применяет тезис Макиндера, который оказался настолько мощным в предсказании событий двадцатого столетия, к двадцать первому столетию.

Западная ориентация является критически важной для Путина, считает Каплан, если он желает восстановить свой народ в более ранней славе и защищать его от различного вида вторжений. Многие на Западе утверждают, что он должен сопротивляться таким полетам национальной ностальгии, принять «без протеста» расширение Запада на восток и концентрироваться на улучшении правительственных структур, чтобы они стали больше похожи на западные. Каплан понимает, что «небольшая доза авторитаризма» Путина является в том числе и отрицанием «ломок¹ от эксперимента с западной демократией и рыночным капитализмом», который оказался столь разрушительным в 1990-ые годы после развала СССР. В этом смысле он напоминает отказ Ленина от западного пути после российской революции.

Ключом является Украина. Как говорит бывший советник по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, без Украины Россия может все еще быть империей, но только «преобладающе азиатской», сосредоточенной на Кавказе и Средней Азии. Однако «с вернувшейся назад под российское доминирование Украиной, Россия добавляет 46 миллионов населения к своей собственной западно-ориентированной демографии, и внезапно бросает вызов Европе, даже если она будет интегрирована в нее». Эта драма, порожденная географией и императивами национализма, будет доиграна до конца в наступающие десятилетия так же, как это имело место в течение прошлых столетий. И та же география «командует вечно напряженными отношениями между Россией и Китаем», даже когда разделяемая приверженность к автори-

¹ Речь идет об абстиненции, или абстинентном синдроме. Синдром физических и/или психических расстройств, развивающийся у больных наркоманией и алкоголизмом спустя некоторое время после прекращения приёма или уменьшения дозы наркотиков, алкоголя.

тарному правлению и прерогатива суверена подталкивает режимы друг к другу.

Каплан, отдавая должное России, выносит вердикт: Владимир Путин и Дмитрий Медведев «фактически не имеют каких-либо возвышающих идей, которые они могли бы предложить, никакой идеологии того или иного вида: все, что они действительно имеют в свою пользу, это только география. И этого недостаточно».

Китай

Между тем Запад должен ответить на стратегический вызов возродившегося Китая. При этом будет неправильно фокусироваться только на экономике и политике и не принимать в расчет географию. Экономическая мощь и большое население позволяют Китаю создавать зоны влияния в сопредельных частях Дальнего Востока, России, Центральной и Юго-Восточной Азии. Однако географически Китай стоит перед той же угрозой вторжения со стороны Степи, что и Россия, и для китайских лидеров Китай мал и хрупок.

Географический императив Китая на протяжении всей истории – доминировать над засушливыми нагорьями «окаймляющих его с трех сторон, от Маньчжурки против часовой стрелки до Тибета». Здесь на высоких плато проживают значительные национальные меньшинства тибетцев на юго-западе, уйгурских турков на западе и этнических монголов на севере, практически окружающие этническое ядро Хань – китайцев. Кроме того, в этих регионах также находится большая часть пресной воды, запасы углеводородов и других природных ресурсов Китая. В настоящее время Китай держит под контролем эти критические регионы, и именно поэтому он может себе позволить экспансионистскую внешнюю политику и морские амбиции. «Просто идя к морю так, как это делается, – пишет Каплан, – Китай демонстрирует свое

благоприятное положение на земле, в сердце Азии». Однако, в отличие от России, Китай стремится расширить свое территориальное влияние «скорее через торговлю, чем принуждение».

Запад настойчиво предлагает китайскому руководству либерализовать политическую систему. Однако китайские лидеры знают свою географию и понимают, что демократизация, даже в мягкой форме, может привести к развалу страны. Пекин организовал поток ханьских иммигрантов в крупные города Тибета и западную провинцию Синьцзян. Параллельно Центр предоставил небольшие объемы автономии и продолжает искусственно стимулировать экономику регионов. Такая политика может оцениваться как неустойчивая, однако она диктуется континентальной географией, которая простирается вплоть до западной части Тихого океана, где Китай находит себя загнанным в угол цепью морских союзников США – от Японии до Австралии.

США-Китай. Означает ли это, что Соединенные Штаты могут оказаться в состоянии военного конфликта с Китаем, как азиатской мощью, стремящейся расширить свое военно-морское влияние в сопредельных регионах, где сегодня доминирует Америка? Ответ Каплана представляется двойственным и противоречивым. С одной стороны, он пишет, что «возможность войны между Соединенными Штатами и Китаем является чрезвычайно удаленной». С другой – предполагает, что если экономика Китая будет продолжать расти в том же темпе, то это «может нести с собой гораздо большую эмбриональную мощь, чем какой-либо другой противник США на протяжении двадцатого века». Причем стратегия «прибрежного балансирования», когда Китай оказывается в сети союзников и союзов США, созданных чтобы контролировать китайскую мощь, «возможно, окажется не совсем достаточной».

Чтобы избежать войны, полагает Каплан, Соединенные Штаты должны скорректировать свои военно-морские амбиции в Восточной Азии и принять китайское господство над тем, что он называет «первой островной цепью», которая дугой охватывает Японию, архипелаг Рюкю, часть корейского полуострова, Тайвань, Филиппины, Индонезию и Австралию. Возможно, это выглядит как чрезмерная уступка со стороны США, однако она может стать неизбежной, поскольку Америка стоит перед явным спадом своей военно-морской мощи. В 1988г. к концу президентства Рейгана в состав ВМС США входило 556 судов, сегодня это до 280 судов, и цифра сократится до 250. Каплан ссылается на исследование *RAND*, согласно которому Соединенные Штаты к 2020 году будут не способны защитить Тайвань и уступят Китаю этот, по словам генерала Дугласа МакАртура, «непотопляемый авианосец», а также, возможно, будут вынуждены согласиться с китайским господством над всей первой островной цепью. Китай появится в Центральной и Восточной Азии, в западной части Тихого океана, поддерживая большое военно-морское присутствие в Восточно- и Южнокитайском морях, а также будет присутствовать в портах и прочих объектах инфраструктуры морских коммуникаций и рынке оружия на побережье Индийского океана.

США смогут сохранить свои позиции и присутствие в Тихом океане за островной цепью, а также в Индийском океане, который быстро превращается в «сосудистый центр мировой экономики, с нефтью и природным газом, транспортируемым через ее широты от Ближнего Востока до расцветающих средних классов Восточной Азии». По мнению Каплана, «только большие политические и экономические беспорядки в Китае могут изменить этот тренд».

Иран

США видят иранские власти сквозь призму идеологии, однако важное значение имеет географическое положение страны и культура. Иран располагается на Иранском нагорье – неприступной естественной крепости, которая возвышается над нефтедобывающими регионами Ближнего Востока, Персидским заливом и Каспийским морем. География ставит Иран в привилегированное положение и создает условия для доминирования в Афганистане, Центральной Азии и Ближнем Востоке. Из западной части Иранского нагорья открываются дороги в Ирак, восточной и северо-восточной стороны в Центральную Азию. Побережье Ирана в Ормузском проливе огромно и содержит бухту, идеально подходящую для роевой атаки небольших лодок-самоубийц. Это позволяет Ирану господствовать в Персидском заливе, противовесом чего сегодня выступают ВМС США.

Иран также имеет участок в 300 км Аравийского моря, что делает его жизненно важным для будущего доступа стран Центральной Азии к океану и международным морским коммуникациям. Индия помогает Ирану развивать порт Ча-Бахар в иранском Белуджистане, который сможет связать месторождения нефти и газа Каспийского бассейна и Центральной Азии с Индийским океаном. Таким образом, хотя Иран и меньше Индии, Китая, России или Европы, «он владеет ключевой географией Ближнего Востока – в терминах положения, населения и энергетических ресурсов – и является базисным для глобальной геополитики».

Другое преимущество Ирана, уходящее корнями в историю, связано с духовным наследием, мощью культурной традиции и цивилизационной глубиной страны. Иран «часто был в гораздо меньшей степени государством, чем аморфной, многонациональной империей». Режим аятолл является всего лишь наследником мидийцев, парфян, Ахемени-

дов и Сасанидов, сфера влияния которых подчинялась географии и простиралась от Сирийской пустыни до Индийского субконтинента. «Иран был первой сверхдержавой древнего мира», – говорит Каплан, добавляя, что он всегда усиливал свое географическое положение, выполняя функции «самобытного универсального соединения (шарнира) (*universal joint*)» Ближнего Востока. Суффикс «-стан» (*istan*), который мы встречаем на политической карте мира в Центральной Азии, Афганистане, Пакистане и т.д., является персидским обозначением «места» и означает, что карта эта была нарисована в Тегеране и связана с Ираном.

Однако сегодня Иран ограничен в использовании культурного влияния и мягкой мощи. Проблема Ирана – «непоколебимость удушающего клерикального правления», которое «отупляет лингвистическую и космополитическую привлекательность, которая была свойственна, в культурном смысле, Большому Ирану на протяжении всей его истории». Благодаря нынешнему режиму многоцветный ландшафт иранской цивилизации оказался заменен зернистым черно-белым. Каплан крайне негативно относится к возвышению аятолл и насилию, которое они применили к «чувственным, сложным, и интеллектуально стимулирующим традициям» истории Ирана. «Истина в том, <...> все, что касается иранского прошлого и настоящего высокого качества, будь то динамизм его империй <...> или политическая мысль и письменное творчество его шиитского духовенства; или сложная эффективность бюрократии и служб безопасности по расправе с диссидентами». Даже революционный порядок страны имеет «богато развитую правительственную структуру» с распределенными центрами силы. Иран испытывает антипатию к «бандократии одного человека» (*one-man thugocracy*) как типу правления, который до недавнего времени можно было видеть в соседнем Ираке. Современный Иран построен на страхе и удушающем клерикальном правлении – два фактора, которые значи-

тельно ограничивают его привлекательность. Тирания текущего режима «как ограничивает свою мощь, так и сигнализирует о его падении»

Таким образом, Иран является с географической и культурной точек зрения осевым государством Большого Ближнего Востока, и для Соединенных Штатов крайне важно достичь компромисса с ним. У демократического или квазидемократического Ирана «благодаря географической мощи иранского государства есть возможность побуждать к действиям сотни миллионов поддерживающих его мусульман как в арабском мире, так и в Средней Азии». Такой Иран – это неизбежное будущее в глазах Каплана. И, с данной точки зрения, принятое многими на Западе на скорую руку решение касательно конфронтации и войны с Ираном, а также радикальные требования по ядерной программе, проблеме ядерного оружия представляются Каплану ошибочным подходом. Запад должен быть заинтересован не столько в остановке ядерной программы Ирана, сколько в разработке гранд стратегии для трансформации режима.

Сирия и Ирак

Ни в какой другой части мира география так не актуальна, как на Ближнем Востоке. Например, в Ираке со времен шумеров, аккадцев и ассирийцев горный север и речные пространства на юге и в центре находились в противоборстве. Сегодня антагонистами выступают шииты, сунниты и курды. Изменились цивилизации, народы, но осталась неизменной картография войны. Месопотамия всегда была «перпендикулярна и вызывающа к предопределенным путям человека». Незащищенная какими-либо естественными барьерами, она всегда была подвержена бедствию грабежа. Каплан размышляет о том, что современная тенденция Месопотамии к тирании могла быть «географически детерминирована». Каждый из иракских диктаторов, начиная с 50-ых

годов, «должен был быть репрессивнее предыдущего, чтобы сплотить государство без естественных границ, сформированное из курдов, а также арабов суннитов и шиитов, охваченных хорошо артикулированной степенью этнического и сектантского сознания».

Не менее сложная картина и с Сирией. Сегодня звучат призывы к прямому вмешательству Запада в сирийский кризис, однако надо помнить, что современная Сирия является частью реальности, которая в рамках Османской империи включала также территории Ливана, Иордании и Израиля. И даже в таком усеченном виде Сирия содержит все общинные деления старой Османской империи. Ее этноконфессиональный состав с момента обретения независимости в 1944г. – алавиты на северо-западе, сунниты в центральном коридоре, друзы на юге – превращают страну в арабскую Югославию и пульсирующее сердце панарабизма. И это объяснимо, так как только через обращение к радикальной арабской идентичности Сирия может обуздать силы, которые всегда угрожают разорвать страну на части.

Однако Сирия не обречена на погружение в хаос и анархию. Истории известны уходящие корнями в тысячелетия случаи налаживания экономических и прочих отношений в специфических условиях организации сельского хозяйства. Можно вспомнить, например, Ирак и цивилизации Месопотамии. Это превращает Сирию и Ирак в менее искусственную, чем предполагалось, реальность, которую не так легко разрушить. Сирия все еще может выжить в качестве аналога в XXI веке Бейрута, Александрии и Смирны начала XX века, то есть стать реальностью левантйского мира, где множество идентичностей объединены торговлей и притянуты к Средиземному морю. Этнические и прочие деления на основе географии можно преодолеть, если они признаются и признается, насколько грозным они могут быть.

Европа

Даже современный кризис и финансовые проблемы Европы, несут на себе отпечаток вневременной географии. С концом классического мира Греции и Рима, всемирная история двинулась на север и там, в богатых почвах охраняемого леса вдоль раздробленной береговой линии, открывающейся на Атлантику, средневековая Европа создала неформальные властные отношения феодализма и научилась использовать технологии. И это не случайность, что столичные города европейской части ЕС (Брюссель, Маастрихт, Страсбург, Гаага) в девятом веке помогли сформировать сердце империи Карла Великого.

На самом деле, существует несколько европ с различными моделями экономического развития, на которые оказали влияние география. Географическое богатство Европы – разнообразие морей, гаваней, полуостровов, рек и гор – породило в свою очередь разнообразие языковых групп и суверенных государств, выпестовав отсутствие единства и дезинтеграцию, несмотря на все панъевропейские структуры, имеющие целью сплотить континент. Как пишет Каплан, «карта наводит на мысль, что Европа имеет значительное будущее в заголовках».

Тем не менее, несмотря на мрачные прогнозы, демографический и экономический размеры ЕС приводят Каплана к выводу, что он «останется одним из больших постиндустриальных узлов коммуникаций в мире». Средиземноморье еще раз «станет соединителем» (*connector*), связывая южную Европу и северную Африку, как это имело место в древнем мире, вместо того, оставаться разделительной линией между прежними имперскими силами и их колониями. Земли маслины и виноградной лозы, вероятно, еще раз могут стать экономической и культурной общностью, – процесс, который возможно будет приводиться в действие (*powered*) огромными запасами природного газа и нефти под северным и восточным дном Средиземного моря.

Великобритания, пишет Каплан, будучи «защищена в своих границах и ориентирована на океан, смогла быстрее своих соседей развить демократическую систему». Хотя британская островная идентичность дала ей определенную защиту от вторжения, такое близкое расположение к континенту создало достаточный уровень угрозы и опасности, чтобы она развила «специфическое стратегическое беспокойство, свойственное ей на протяжении столетий, касательно политики Франции и Нижних стран¹ на противоположном берегу Ла-Манша и Северного моря».

И не случайно именно Греция является наиболее проблемным членом ЕС. Находясь на перекрестке Балкан и Средиземноморского мира, она является наследницей и пасынком византийского самодержавия, а затем турецкого деспотизма. Последствия географической судьбы для современной Греции отзываются эхом в виде безудержного уклонения от уплаты налогов, фундаментального отсутствия конкурентоспособности и патерналистской политики кафе.

Помимо Европы, сформированной вокруг империи Карла Великого, есть также Миттель-Европа (Центральная Европа) (*Mitteleuropa*), – центрально-европейская сущность, над которой сегодня доминирует объединенная Германия. Исторически Германия всегда видела опасность в открытых, незащищенных границах. Германия «как с востока, так и запада не защищена горными цепями, что ведет ее к патологиям от милитаризма до рождающегося пацифизма, чтобы справиться со своим опасным положением». Жорж Клемансо и Андре Мажино во Франции, спустя почти две тысячи лет после галльских походов Цезаря, разделяли «беспокойство касательно открытой немецкой границы».

На пути Германии в Восточную Европу бывшего коммунистического лагеря имеются несколько физических барьеров, которые накла-

¹ Территория современных Нидерландов, Бельгии и Люксембурга или стран Бенилюкса.

дываются на реалии XXI века, в которых присутствуют буферные государства. Предсказанные еще Макиндером в качестве географической защиты Европы, буферные государства стали реальностью после краха последней Российской империи и могут помочь стабилизировать древнюю линию между российским Хартландом и европейским Римландом, тем самым способствуя укреплению Миттель-Европы. Тогда для европейской политики сдвиг от Брюсселя к Берлину как центру гравитации будет иметь глобальное значение и последствия.

Однако геополитика не обеспечивает и не дает гарантий. «Но что если судьба Европы, согласно Макиндеру, все еще зависима от азиатской истории, в форме возродившейся России? Тогда в этом может заключаться угроза. Что двигало Советским Союзом, когда он отхватывал упорным трудом для империи Восточную Европу <...> которую все еще держит сегодня: наследие грабежей и разорения России литовцами, поляками, шведами, французами и немцами, приводившие к необходимости создания санитарного кордона из послушных режимов в пространстве между исторической Россией и Центральной Европой»¹.

Заключение

География это здравый смысл, но не фатальность. Новые технологии сжали расстояние и время, но они не могут отказаться от географии, которая заключает в себе так или иначе историю, культуру и, следовательно, судьбу народа и государства. Конкретный выбор государства происходит в рамках определенного географического и исторического контекста, который влияет на принимаемые решения, но не предопределяет их. Каплан выбирает подход, который французский философ Раймон Арон назвал «трезвой этикой, коренящейся в истине «вероят-

¹ Фактически Каплан признает, что геополитические тренды остаются неизменными в веках, и уже в XXI веке имеются предпосылки для очередного столкновения России и Германии (ЕС) за господство над бывшей Восточной Европой и постсоветскими республиками.

ностного детерминизма» (*probabilistic determinism*), который оставляет пространство для человеческой воли. «Ключевое слово здесь, – говорит Каплан, – “вероятностный”, которое означает, что, концентрируясь на географии, мы придерживаемся частичного или колеблющегося детерминизма, который признает очевидные различия между группами и ландшафтом, но не слишком упрощает и оставляет открытым многие возможности».

Хотя современная элита привыкла перемещаться на самолетах, когда мир становится плоским, а информационное пространство и глобальная экономика не знают границ, тем не менее фактор географии по-прежнему играет важную роль. Западная внешнеполитическая элита слишком очарована красотой идеей и относится пренебрежительно к физическому бытию, фактам и культурным различиям. Для проведения успешной политики в современном мире необходимо в первую очередь сфокусироваться на ограничениях, а значит – обращать внимание на географию. Прежде чем география будет преодолена, она должна признаваться и уважаться.

Искусство управления государством означает работу на кромке возможного, при этом не переступая за край. «Благодарные и мудрые полисмейкеры, осознающие национальные ограничения, знают, что искусство государственного управления заключается в том, чтобы находиться как можно ближе к кромке, не переступая за грань». Знание географии позволяет разглядеть некоторые из этих кромок.

Рачья Арзуманян